

26. Новейший философский словарь. – Мн., 1998; Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. – Мн., 2002.
27. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. – Т. 4. – М., 2002. – С. 391–392.
28. Беларуская энцыклапедыя. – Т. 18. – Кн. I. – Мн., 2004. – 316 с.
29. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 6. – Кн. II. – Мн., 2003. – 310 с.
30. Беларуская энцыклапедыя. – Т. 16. – Мн., 2003. – С. 527–528.
31. Термин «голодомор» охотно применяют и в случаях массовой гибели людей, подчеркивая тем самым его умышленный характер со стороны властей. В качестве примера можно привести одну из книг, посвященных голодомору на Украине (Український голодомор. 1932 – 1933: Свідчення тих, хто вижив. – К., 2003. – С. 296 с.).
32. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 6. – Кн. II. – Мн., 2003. – 57 с.
33. 6 000 000 обвиняют. Речь израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана. – Иерусалим: БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ, 1961. – 151 с.
34. Во время 2-й мировой войны гетто были созданы нацистами в ряде городов Восточной Европы и превращены в «лагеря уничтожения». Большой энциклопедический словарь. – М.-СПб, 1997. – 273 с.; Республика Беларусь. Энциклопедия. – Т. 3. – Мн., 2007. – С. 23.
35. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 2. – Мн., 1994. – С. 525.
36. Всемирный энциклопедический словарь. – Мн., 2004. – С. 304.

Материал поступил в редакцию 25.09.09

BASIN Y.Z. Holocaust as a subject for scientific research

The necessity of scientific research of Holocaust is discussed in this work, total extermination by the Nazi of Jewish and Rome population of Europe during the years of German-fascist occupation. There is a detailed analysis of this topic described in encyclopedic, reference and scientific literature, published in Belarus during the last 12 years. The issue is discussed in the context of world anti-democratic movement on revision of Holocaust by leaders and ideologists of neo-Nazism, the main ideologems of this movement are given.

УДК 947(476)

Бодак А.Ю.

КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ РАСКУЛАЧИВАНИЯ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ НА БРЕСТЧИНЕ

17 сентября 1939 г. – эпохальная дата в истории Беларуси. Белорусский народ наконец-то получил возможность жить и развиваться в рамках собственного государственного образования. Процедура воссоединения двух частей единого целого прошла успешно и в достаточно короткие сроки. Вместе с тем её протекание сопровождалось отдельными шероховатостями и противоречиями, которые в целом не бросают тень на данный исторический процесс, но их учёт необходим для более полного представления о происходивших в Западной Беларуси событиях и для анализа влияния последствий данных проблем на дальнейший ход истории республики.

После освобождения региона частями Красной армии здесь сразу начались серьезные политические и социально-экономические преобразования социалистического характера. Данные территории предстояло в максимально короткие сроки привести к единому с восточной частью республики знаменателю. Такая спешка была продиктована явной угрозой войны и в целом слишком стремительно развивавшимися изменениями в Центральной и Восточной Европе. При таких темпах преобразований наряду с продуманными шагами неизбежны поспешные и ошибочные решения.

В полной мере это относится к аграрной политике в регионе в период 1939–1941 гг. Основными её направлениями были: ликвидация помещичьего и церковного землевладения, осадничества и лесной охраны, репрессии к субъектам хозяйствования указанных видов землевладения; ликвидация безземельных и малоземельных хозяйств путём наделения их высвободившейся землёй; раскулачивание и коллективизация (последнее – по мере возможности, с учётом ошибок при её проведении на Востоке республики в 1929–1933 гг., и стараясь не раздражать население новых приграничных районов в канун предполагавшейся войны). Как получились последние два мероприятия, мы рассмотрим на примере Брестчины приблизительно в её нынешних границах.

Наряду с репрессиями по отношению к «чуждым», эксплуататорским элементам, отношение властей к крестьянам-беднякам и середнякам было самым благожелательным с самого начала социалистических преобразований в деревне. Этим категориям сельских жителей безвозмездно отдавались земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь бывших помещиков и осадников [14; 11].

Кроме того, беднякам было передано большое количество семян, предоставлены крупные суммы кредита на льготных условиях.

Так, бедняцко-средняцким хозяйствам Брестской области весной 1940 г. было отпущено 800 т. зерновых и 1500 т. картофеля. В Пинской области была предоставлена семенная ссуда 8500 бывшим батрацким и 2000 бедняцким хозяйствам. Получили также семена многие хозяйства Барановичской области. Широко распространялась общественная крестьянская взаимопомощь маломощным хозяйствам, особенно в период сева и обмолота урожая. В Брестской области имелось 19 тыс. безлошадных крестьянских хозяйств, которым по инициативе Крестьянских комитетов и сельских Советов была оказана помощь со стороны крестьян-средняков. В Березовском районе во время весеннего сева 1940 г. помощь получили 2600 безлошадных хозяйств, 475 бедняцким хозяйствам была выдана ссуда семян зерновых и картофеля [1; 103].

Оказывалась помощь и крестьянским хозяйствам, переселявшимся из пограничной полосы. РК КП/б/В и Райисполкомы должны были обеспечить им прием и размещение. Все бедняцкие и середняцкие хозяйства, прибывающие из пограничной полосы, размещались в домах, ранее принадлежавших осадникам и немцам, эвакуировавшимся на территорию Германии, не занятых до весны 1940 г. Было установлено, что все бедняцкие и середняцкие хозяйства, переселяемые в дома, ранее принадлежавшие осадникам, получают по месту переселения в размере прежнего пользования землю и по возможности озимые посевы [21; 141]. Все эти хозяйства в первую очередь необходимо было разместить в деревнях и посёлках, а при недостатке – на хуторах.

Вероятно, размещение вновь прибывающих крестьянских хозяйств на хуторах было вызвано большим количеством переселявшихся и несвободных земель и домов. Это несколько противоречило изначальной задумке постепенно свести хуторское землевладение на нет, ибо в 1939 г. крестьянам, обратившимся за помощью в переселении на хутор, а также пытавшимся построить хутора на земле, полученной из бывших имений, было разъяснено, что никакой помощи по переселению на хутор никому оказываться не будет. Населению объясняли вредность расселения на хутора, разоблачали «вражеские цели польских панов» в деле хуторизации крестьянской бедноты. Крестьян убеждали, что всем желающим переселиться с хуторов в деревни будет оказываться всемерная помощь государства как лесом на постройку, так и кредитами. Изъявившим желание переселиться с хуторов в деревни сейчас отпускали лес бесплатно [6; 52].

Бодак Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

С первых дней установления Советской власти на Брестчине и в других западных областях стали создаваться колхозы. В первые же месяцы после освобождения организуются поездки крестьян в колхозы восточных областей БССР и другие республики, экскурсии на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. Это давало возможность изучить опыт создания коллективных хозяйств и отношение к этому процессу населения. В то же время изучавшие брали на вооружение и ошибки в проведении коллективизации в СССР. Например, анализировались твердые сроки «охвата колхозами», спускаемые сверху, что приводило к неизменной спешке, администрированию, нарушению принципа добровольности и др.

Инициативу в создании колхозов проявляла, естественно, беднейшая часть крестьянства, которая и составила основную массу в колхозах [23; 92].

Широкий размах приобрело движение за создание колхозов зимой и весной 1940 г. Всего с марта по май 1940 г. в Брестской области возникло 59 колхозов. Государство оказывало им большую помощь - увеличивало посевную площадь за счёт государственного земельного фонда, передавало постройки, скот, машины, сельскохозяйственный инвентарь конфискованных хозяйств [20; 3]. Здесь же весной 1940 г. было передано колхозам 1011 лошадей, 3091 голова крупного рогатого скота, 1,5 тыс. свиней, 2 тыс. овец и т.д. Кроме того, колхозы получили от государства 257 т. семян зерновых культур, 10 т. технических, 4,5 т. клевера, 105 т. минеральных удобрений, не считая переданного из помещичьих имений [1; 104].

Колхозные усадьбы, как правило, располагались в бывших помещичьих имениях. Но их не хватало. Поэтому было развернуто строительство конюшен, коровников, амбаров и других сельскохозяйственных построек с целью сконцентрировать в больших хозяйствах разбросанный мелкими группами крупный рогатый скот, свиней и овец в национализированных хозяйствах, что затрудняло контроль, уход и содержание последнего. Кроме того, в тех случаях, где скот был роздан гражданам, его необходимо было вернуть назад [7; 11]. Только за период от завершения весеннего сева до начала уборки 1940 г. в Пинской области было построено 58 конюшен, 36 коровников, 19 свинарников, 46 амбаров. В Брестской области к сентябрю 1940 действовало 50 молочно-товарных, 57 свиноводческих и 48 овцеводческих ферм. Фермы, как и колхозы, были преимущественно небольшие [1; 104].

Огромное значение в становлении колхозного строя в Западной Беларуси имело создание машинно-тракторных станций (МТС). 10 февраля 1940 г. СНК БССР и ЦК КП/б/Б приняли постановление «Об организации государственных машинно-тракторных станций в западных областях БССР», в соответствии с которым намечалось организовать в Брестской области 18, Пинской – 11, Барановичской – 26 МТС [7; 11]. Сеть МТС быстро росла, сюда шла техника, сельскохозяйственные машины и орудия. Услугами МТС должны были пользоваться, и пользовались абсолютное большинство колхозов и все совхозы, тысячи крестьян-единоличников. Создание МТС, машинно-конно-прокатных товариществ способствовало возникновению обществ по совместной эксплуатации сельскохозяйственной техники. Крестьяне объединялись по 10–18 хозяйств совместного использования инвентаря и тягловой силы, особенно в период вспашки, сева, сенокоса, молотбы [7; 105].

3 января 1940 г. было принято постановление Брестского обкома об организации в области совхозов. Они также создавались на базе крупных помещичьих имений. 22 июня 1940 г. СНК БССР и ЦК КП/б/Б приняли постановление об организационно-хозяйственном укреплении колхозов в западных областях БССР, в котором подчеркивалось, что одной из главных задач каждой партийной организации является дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов и политическое воспитание колхозников [7; 105].

Так как молодые колхозы нуждались в квалифицированных кадрах, была создана сеть курсов по подготовке председателей колхозов, бригадиров, заведующих фермами, женщин-трактористок без отрыва от производства. Проводилась переаттестация трактористов [19; 16–18]. Только по Пинской области к сентябрю 1940 г. прошли подготовку через курсы 1093 колхозника. Школа по подготовке колхозных кадров работала на базе бывшего имения «Плянта» Кобринского района. Здесь в мае 1940 г. состоялся выпуск 146 человек, а с июня вновь 180 человек приступили к занятиям /срок обучения – 4 месяца.

Учитывая, что колхозы еще не окрепли и не могли обеспечить работников всем необходимым, колхозам западных областей рекомендовалось так же предусмотреть в уставах сельхозартели право колхозников держать 2–3 коровы, кроме молодняка, 2 телки, 10 овец, 2 свиноматки с приплодом, неограниченное количество птицы, 10 ульев пчел. Единичный крестьянин имел право держать столько скота, сколько он сумеет, чего не допускалось в других районах СССР [2; 10]. 5 ноября 1940 г. СНК БССР и ЦК КП/б/Б приняли постановление «О ликвидации бескоровности дворов колхозников и бедняцких крестьянских хозяйств в западных областях БССР». Для этой цели выделялись на закупку для нужд Брестской области 5300 коров, Пинской – 2100 коров [1; 106]. В том же году стало возможным провести во многих колхозах оплату трудодня, несмотря на то, что в большинстве своем она была до смешного мала.

И, тем не менее, число колхозов и совхозов росло. К концу 1940 г. в Брестской области /в нынешних границах/ имелось 7 совхозов и 133 совхоза, на полях которых работало 300 тракторов и другая сельскохозяйственная техника [1; 107].

Вместе с тем следует отметить, что при осуществлении социалистического преобразования сельского хозяйства допускались серьезные ошибки и извращения. Можно сказать, горький опыт коллективизации в СССР в 1929–1932 гг. не только не был учтен, но в ряде мест и превзойден. Колхозы создавались поспешно, подчас обманом. Например, в деревне Любичицы 9 марта 1940 г. было организовано собрание крестьян для встречи с кандидатом в депутаты в Верховный БССР. Однако, завраизо, проводивший собрание, использовал его для оформления колхоза. «Приём» был проведён по списку без какого-либо обсуждения [2; 9–11]. Аналогичным образом были созданы колхозы и в некоторых других деревнях, когда приём в члены сельхозартели проводился по заявлениям, которые были подписаны от всего хозяйства только главой семьи. Часто правлениями колхозов и общими собраниями согласно Уставу сельхозартели не были установлены вступительные взносы [18; 27]. Многие крестьяне жаловались, что они были насильно загнаны в колхоз [16; 4], что жить там невозможно, и отказывались что-либо обобществлять [17; 42]. Неудивительно, что через несколько дней такие колхозы практически распадались, начинался массовый выход из них крестьян. Причем заявления о выходе иногда заготавливались перед собранием заранее. И все-таки, несмотря на заявления, подавшие их во многих местах задерживались в колхозах насильственно [2; 88–89]. Основными причинами выхода из колхоза были неправильная нарезка приусадебных участков земли колхозникам и упомянутое уже нарушение Устава сельхозартели, когда в заявлениях не указывалось, что у вступивших в колхоз обобществляется тягловая сила, сельскохозяйственный и семфонд [12; 51].

Своеволие властей доходило порой до крайностей. Например, 2 декабря 1940 г. Вороновским райотделом НКВД были арестованы две девушки, за то, что они, якобы состояли членами повстанческой организации. Однако выяснилось, что арест произошел на следующий день после того, как они отказались ехать на прогулку с пьяными сотрудниками НКВД [13; 141].

6 июня того же года в одной из деревень Пинской области женщины - колхозницы были посланы на прополку, а над ними был поставлен мужчина с палкой, который должен был смотреть, чтобы женщины хорошо работали [12; 133]. Не вызвали особого восторга у населения и примеры самоснабжения чиновников, когда они писали записки об отпуске им чего-либо в магазинах или на складах, в то время, как крестьяне практически ничего не могли купить из-за мизерного количества привозимого товара, а те откармливали государственными /т.е. колхозными/ кормами свиней своих и своих приятелей [14; 117–119]. Нередким явлением были факты грубого отношения к местному населению и неправильного обложения крестьянских хозяйств, необоснованное снятие лиц польской национальности с работы и т. д. [21; 11–16].

Имело место и бесхозяйственное, попустительское отношение чиновников к колхозному имуществу и урожаю, к ведению документации. Во многих колхозах области к весеннему севу и уборке урожая не был полностью отремонтирован и валялся разбросанным где попало инвентарь. Помещений для семенного фонда не хватало. Овес и семенной клевер в большом количестве находились в мешках, которые зачастую хранились в жилых помещениях, в результате чего семя гнило

[4; 260]. Кормов в колхозах не хватало, т. к. не был снят второй укос лугов. В помещениях для скота нередкими были сырость и грязь.

В ряде хозяйств не были сформированы скотоводческие бригады, сдельная оплата труда не была введена, отсутствовал внутренний распорядок на фермах. Учёт движения скота не был налажен, в большинстве колхозов не было актов приплода и не составлялись акты о падеже молодняка [14; 101–106]. Часть урожая пропадала на полях. Труд зачастую не был организован, в начислении трудодней проводилась уравниловка, что приводило к ослаблению трудовой дисциплины, в силу чего в этих колхозах была очень низкая стоимость трудодня. В записях трудодней имелись расхождения, неточности, подтёрки цифр и помарки. В колхозе им. Маяковского /Барановичская область/ не придерживались норм выработки, вследствие чего работа начиналась поздно, в 9–10 часов утра, и заканчивалась в 4–5 часов дня, а оплата работающим колхозникам проводилась поденно [14; 150–151]. В ряде других колхозов учёт труда также проводился неряшливо, на клочках бумаги, а если и в книге, то неразборчиво. Канцелярских книг по ведению колхозного счетоводства и трудовых книжек не было. Протоколы решений и общих собраний находились в разбросанном состоянии. Некоторые колхозы не имели и протоколов по организации колхозов [18; 3]. В отдельных колхозах запись трудодней колхозникам производилась без перечня выполненной работы и нормы, что приводило к разбазариванию трудодней и их запутанности. Это, в свою очередь, вело к занижению оплаты трудодня [15; 67], которая порой принимала смехотворные размеры.

Ответом на подобную колхозную практику стало сопротивление властям со стороны определённой части сельского населения, квалифицировавшееся тогда как антисоветские действия.

Проследить, какие действия населения считались антисоветскими, можно по доносам, поступавшим в органы НКВД. К ним относилась, прежде всего, агитация против создания колхозов и призывы выходить из них. Так, житель деревни Краснувка Дрогичинского района Л. Липский говорил: «Теперь записывают в колхозы, а колхозы – это есть вторая панщина, которая была несколько десятков лет тому назад. Но тогда была своя хата, а теперь своей собственности нет, а когда заболит у тебя рука, то ее помажут йодом, а зубы твои положат на полку и есть уже не проси» [23; 23].

Другой колхозник учил односельчан: «Выходите из колхоза, забирайте свои заявления, я стану членом комиссии по распределению земли, и вся земля будет распределяться, и мы ещё пожием единоличниками» [23; 46]. И таких призывов было немало. Люди как могли выражали своё недовольство новыми формами хозяйствования. К пассивному противостоянию колхозам можно отнести выжидательную позицию крестьян, которая вызывала опасения у НКВД. Фиксировались и такие разговоры на эту тему: «Я запишусь в колхоз, когда все уже запишутся, посмотрю, как они будут жить. Советская власть колхозников ни за что в тюрьму сажает, за самые малейшие проступки, если сдохла корова, тоже сажают» [23; 25]. При всей неприязни к прежней власти, начали распространяться противоречивые ностальгические настроения по отношению к прежней власти, которую ещё недавно крестьяне поминали недобрым словом: «Всем было хорошо жить, товаров было много, все дешёво» [23; 3]; «Работая у пана кучером и получая пять злотых, человек на них был сыт, одевался, ежедневно выпивал, а когда выходил в праздники из дома, то люди узнавали, что идет работник пана. А сейчас, при Советской власти, работают от темна и до темна и ничего не получают» [14; 125]; «Только платят налоги, как платили и при польском праве: 50 кг мяса, хлеба 11 пудов, картофеля 45 пудов, бедняк и тот платит, если он трудоспособный, и никто не спрашивает, откуда он может взять средства для уплаты налога, хотя при бывшей Польше, если человек имеет одну корову, то с него не требовали и налог, т. к. закон польский гласил, что такой человек считается бедняком и насильно требовать у него налог нельзя» [23; 223, 225].

Неудивительно, что высланные осадники в письмах к родным предупреждали их: «Жизнь настала очень плохая. Дорогая сестра, прошу тебя и приказываю, если имеешь лишнюю корову, не держи, продавай как можно быстрее. Здесь в колхозах жить хорошо, один человек работает, а семеро спят. Лежит хата боком, да и та с одним окном, на хате серп и молот, а в хате смерть и голод. Правда, этому из нас никто не верил, а теперь сам увидел, что это правда» [23; 51].

Начали распространяться и слухи о войне, которыми пестрели отчёты органов власти. На войну возлагались и надежды на возвращение

лучшей жизни с помощью англичан и французов [3; 3, 23], и ей же пользовались, как средством запугивания и расправы после предполагаемой победы Германией над СССР, над колхозниками [23; 149]. Именно с запугивания начались активные антисоветские действия, которые переходили в убийства колхозных активистов [13; 89], в призывы бороться против Советской власти [23; 3], в поджоги колхозного имущества.

Вскоре стали организовываться банды, особенно после выселения осадников, помещиков и их управляющих [13; 30, 89, 90], которые не только расправлялись с колхозными активистами, но и грабили хутора выселенных, где теперь жили переселенцы. Нередкими стали случаи агитации со стороны отдельных лиц, направленные на срыв уборки и заготовок [14; 107], потравы и вредительства: а: в мешки с зерном досыпали песок и битое стекло [2; 87]. Родственники семей репрессированных и выселенных сельских жителей довольно часто ругали Советскую власть, а нередко, даже записавшись в колхозы, не выходили на работу, отказывались обобществлять сельскохозяйственный инвентарь и тягловую силу, что подталкивало и остальных колхозников к более осторожному отношению к колхозам. Порой власти не могли наладить пошатнувшуюся дисциплину у единоличников, а колхозники могли следовать их примеру и выходить из колхозов [3; 149].

Оказывали свое влияние на население и священнослужители, выступавшие перед верующими, чтобы последние посылали свои делегации в райкомы или райисполкомы с требованиями о снижении налога с них, как служителей религиозных культов [13; 39]. Имела место помощь так называемых кулаков беднякам, когда первые давали или одалживали деньги беднякам, чтобы те не вступали в колхоз [23; 98].

Одним из наиболее масштабных проявлений недовольства коллективизацией был массовый убой населением скота. Это было вызвано тем, что среди крестьян мясоторговцы распространяли слухи, что в условиях Советской власти можно держать только одну корову и телку, а остальной скот будет изыматься [23; 25]. В связи с этим начался массовый убой крупного рогатого скота и свиного поголовья. В основном он проводился середняцко-зажиточными хозяйствами, и крестьянами, вышедшими из колхоза [23; 26, 245].

Многие крестьяне направляли в исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся жалобы о неправильном включении их в списки кулацких хозяйств и жалобы на неправильное исчисление налога финорганами [11; 6]. Очень часто такие жалобы решались не в пользу крестьян со следующими формулировками:

- оставить в списках кулацких хозяйств, т. к. в хозяйстве применялся труд наёмных рабочих;
- т. к. признаки, определяющие хозяйство кулацким, подтвердились [7; 52–55];
- т. к. хозяйство имело нетрудовые доходы от ветряной мельницы [8; 26] и т. д.

Для определения кулацких хозяйств председателям исполкомов местных советов была разослана директива для служебного пользования, в которой говорилось, что «к кулацким хозяйствам относятся хозяйства, которые:

- а) использовали постоянных наёмных рабочих в сельском хозяйстве или промысле, за исключением случаев найма трудовым хозяйством одного подсобного рабочего в кузнечном промысле и в кустарном производстве колес;
- б) использовали систематически в сельском хозяйстве или промыслу труд одного или более сезонных рабочих;
- в) систематически использовали труд других крестьян на условиях отработки, взамен предоставляя им на кабальных условиях рабочий скот, семена, фураж, продукты питания или сельскохозяйственный инвентарь [2; 49].

Осенью 1939 г. под грифом «Секретно» всем председателям Временных управлений было разослано следующее предписание: «СНК БССР предлагает вам ежемесячно предоставлять информацию о настроениях крестьян в деревне с изложением конкретных фактов и требований батрацко-бедняцкой и середняцкой массы как положительных, так и отрицательных [2; 15]. Тогда же был разослан еще один документ, в котором говорилось, что «крестьяне-батраки и бедняки оказывают активную помощь в части выявления и разоблачения кулацкого элемента, осевшего в уезде (имеется в виду Кобринский район). Но этому столь серьёзному делу некоторые работники местных сельских комитетов начинают мешать, беря под защиту арестованных, пишут в НКВД прошения и возможные справки об освобождении. Кроме того, аналогичные противозаконные действия допускает и ряд руководителей местных комитетов, по существу вставших на прямой

путь защиты антисоветского элемента. В целях пресечения подобных явлений, просим дать соответствующие указания местным партийным и советским организациям, предупредив их о том, что сбор подписей является противозаконным действием» [2; 14]. Иногда случалось, по свидетельствам очевидцев, что уже погрузивших свои вещи для отправки «кулаков» «отбивали» местные жители, хорошо знавшие, каким трудом создавалось это «кулацкое хозяйство».

Последние указанные факты вносят серьезные коррективы в начинающее укрепляться мнение ряда исследователей об однозначно негативной позиции представителей органов власти к репресслируемым людям и пассивной реакции местного населения на перегибы руководства в политике раскулачивания. Процессы, проходившие в данный период в западнобелорусском регионе были неоднозначны и ещё долгое время будут привлекать интерес своей сложностью и противоречивостью.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Очерки истории Брестской областной партийной организации/ Я.Я.Алексеичик [и др.]; под ред. В.А. Бобкова, – Мн.: Беларусь, 1989. – С. 448.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф.1. – Оп. 16. – Д. 6.
3. ГАБО. Ф.р-282. – Оп. 1. – Д. 21.

4. ГАБО. Оп. – 2. – Д. 24.
5. ГАБО. Ф.2 92. – Оп.1. – Д. 1-а.
6. ГАБО. Д. 5-а.
7. ГАБО. Оп. 2. – Д. 1.
8. ГАБО. Ф. 815. – Оп. 7. – Д. 23.
9. ГАБО Д. 114.
10. ГАБО. Ф. 1059. – Оп. 3. – Д. 63.
11. ГАБО Ф. 1311. – Оп. 2. – Д. 1.
12. ГАБО. Ф. 7580. – Оп. 1. – Д. 25.
13. ГАБО. Д. 28.
14. ГАБО. Д. 29.
15. ГАБО. Д. 179.
16. ГАБО. Д. 197.
17. ГАБО. Д. 458.
18. ГАБО. Д. 473.
19. ГАБО. Д. 478.
20. ГАБО. Д. 484.
21. ГАБО. Ф. 7581. – Оп. 1. – Д. 15.
22. ГАБО. Д. 25.

Материал поступил в редакцию 23.09.09

BODAK A.Y. Collective-state-farm construction and realization of politics dispossession in prewar years on Brest

Key words: agrarian sphere, collectivization, liquidation of land shortage and landlessness, collective farms, repressions.

The article is devoted to difficult process of agrarian reforms or Soviet rule in 1939–1940 in Brest region. The author reveals the attempts, devoted to liquidation of the land shortage landlessness in region.

УДК 620.197.5

Хоэндорф Геррит

УБИЙСТВА ПОД ЗНАКОМ ЭВТАНАЗИИ ПРИ НАЦИСТСКОМ РЕЖИМЕ

Введение. Находясь под впечатлением проигранной 1-й мировой войны, в 1920 году видный юрист Карл Биндинг и психиатр из Фрайбурга Альфред Хохе написали вызвавшее самые разные реакции произведение под названием «Предание уничтожению ничемных жизней», в котором они подвели итог развязанной в конце XIX века дискуссии о медицинском избавлении неизлечимых больных и больных с непереносимыми страданиями. О судьбе пребывающих в лечебницах неизлечимых душевнобольных с их «балластным существованием» в ней говорится так: «Но, может быть, однажды мы созреем до понимания того, что устранение полных духовных мертвецов – не преступление, не безнравственное действие, не бесчувственная черствость, а дозволенный полезный акт» [1].

В октябре 1939 года Адольф Гитлер подписал документ, датированный задним числом 1-м сентября, днем начала войны, следующего содержания: «Рейхсляйтеру Боулеру и доктору медицины Брандту поручается под их ответственность расширить персональные полномочия определенных врачей с тем, чтобы они были вправе обеспечить милосердную смерть неизлечимым больным, руководствуясь здравым смыслом и исходя из критического состояния их здоровья» [2].

Этот краткий, но роковой текст, понимаемый как «предоставление полномочий фюрером», должен был «легализовать» бюрократическую и одновременно медицинскую процедуру, которая по действующему в то время праву представляла собой состав преступления, называемого убийством, а именно: умерщвление десятков тысяч пациенток и пациентов, находившихся в лечебницах, заведениях по уходу, учреждениях для слабоумных и эпилептиков, а также в попечительных приютах. Ко времени подписания этого документа Гитлером полным ходом шла подготовка к переписи подлежащих умерщвлению пациентов таких заведений, для процесса отбора были призваны медицинские эксперты, в том числе такие именитые университетские психиатры? как Вернер Хайде, Карл Шнайдер н

Бертольд Кин, и начался поиск подходящих приспособлений для умерщвления. Одновременно был издан тайный циркуляр имперского министерства внутренних дел от 18 августа 1939 года об обязанности детских врачей и акушеров сообщать о детях с физической или умственной инвалидностью в «имперский комитет по научной статистике тяжелых наследственных или врожденных заболеваний». В ходе двух параллельных акций по статистическому учету, проходивших в период подготовки к войне, должны были быть предприняты определенные меры в отношении двух групп людей, считавшихся «наследственно-биологически неполноценными» «беспольными едоками» и «балластными существами». Процесс учета и селекции был сфокусирован на детях-инвалидах, проживавших в своих семьях, и против физических инвалидов и душевнобольных, проживавших в заведениях Германского рейха.

С началом 2-й мировой войны «тело народа» должно было быть «очищено» от больных, «неполноценных», «неспособных жить в обществе» и «неработоспособных» групп людей, причем это должно было быть сделано еще более радикально и определенно, чем это позволила бы принудительная стерилизация людей с наследственными заболеваниями, которая основывалась на «Законе о предупреждении появления поколения с наследственными заболеваниями». Таким образом, с началом агрессивной войны против Польши началась не только война, направленная за пределы страны, но и война, направленная вовнутрь нее. При этом метафорическое выражение «война против психически и умственно больных людей» следует понимать буквально: вскоре после начала войны в германских провинциях Померания, Восточная Пруссия, а также в оккупированной Польше спецкоманды СС в массовом порядке расстреливали немецких и польских, пациентов лечебниц, а сами заведения освобождали для надобностей СС и вермахта [3]. В период с октября по декабрь 1939 года отобранные пациенты заведений Померании были расстреляны спецкомандой СС Айманна и закопаны в массовых могилах в лесу под Нойштадтом в Западной Пруссии. За это

Хоэндорф Геррит, Мюнхен, Германия.

Гуманитарные науки